

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ 2005 ГОДА

Минувший литературный год ознаменовался многими значимыми событиями, в числе которых выставки, конференции, литературные премии. Постараемся обозреть наиболее яркие явления литературной жизни 2005 года.

Нобелевскую премию по литературе получил британский драматург Гарольд Пинтер. Его сборник пьес «Коллекция» переведен на русский язык и выпущен издательством «Амфора» в марте 2006 года.

Премией Букера в Англии был награжден ирландец Джон Бэнвилл (John Banville) за роман «Море» (The Sea). На русском языке роман вышел в издательстве «Иностранка».

Из других европейских премий нельзя не упомянуть **Гонкуровскую** — «французский Букер». Это самая уважаемая литературная награда Франции, учрежденная еще в 1896 году. Гонкуровским лауреатом — 2005 стал писатель Франсуа Вьерган (Francois Weyergans) за роман «Три дня у моей матери» (Trois jours chez ma mère).

Премия «Букер – Открытая Россия» – 2005

В 2005 году для участия в конкурсе премии БУКЕР – ОТКРЫТАЯ РОССИЯ номинировано 65, допущено 22 произведения. В процессе выдвижения номинантов приняли участие 45 издательств, 15 журналов, 8 университетов и 4 библиотеки.

Оценивая результаты номинации, председатель жюри премии БУКЕР – ОТКРЫТАЯ РОССИЯ 2005 года писатель Василий Аксенов сказал: «Цель Русского Букера – возвращение серьезному роману главенствующего положения в отечественной культуре. Имея в виду эту цель, мы постарались исключить из списка номинированных произведений романы, авторы которых мыслят себя участниками коммерческого, а не литературного процесса».

В состав жюри литературной премии «БУКЕР – ОТКРЫТАЯ РОССИЯ 2005 года» также вошли: критик Евгений Ермолин (Ярославль), поэт и прозаик Николай Кононов (Санкт-Петербург), критик Алла Марченко (Москва), а в качестве представителя культурной общественности – руководитель Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков.

Русский «Букер», вызвал огромный резонанс в минувшем году. 7 октября в Москве оглашен «короткий список» финалистов литературной премии «БУКЕР – ОТКРЫТАЯ РОССИЯ». В их число вошли

- 1) Гуцко Денис «Без пути-следа». – М.: Дружба народов. – 2004. – №№ 11, 12.
- 2) Евсеев Борис «Романчик». – М.: Октябрь. – 2005. – № 2.
- 3) Ермаков Олег «Холст». – М.: Новый мир. – 2005. – № 3-4.
- 4) Найман Анатолий «Каблуков». – М.: Октябрь. – 2004. – № 8-9; М.: Вагриус. – 2005.
- 5) Солнцев Роман «Золотое дно». – Красноярск: День и ночь. – 2005. – № 3-4, 5-6.
- 6) Солнцев Роман «Минус Лавриков». – СПб.: Нева. – 2004. – № 8.
- 7) Чижова Елена «Преступница». – СПб.: Звезда. – 2005. – № 1-2.

Лауреатом стал Денис Гуцко с романом «Без пути-следа». А председатель Букеровского жюри Василий Аксенов отказался поздравлять победителя и публично заявил, что не согласен с решением жюри, и что премию должен был получить его, Аксенова, любимец Анатолий Найман за роман «Каблуков»... Со стороны председателей авторитетных жюри подобные высказывания считаются недопустимыми, поэтому выступление Аксенова вызвало огромный резонанс в российской прессе и не только.

В Российской государственной библиотеке вручили награды лауреатам Национальной премии «**Лучшие книги и издательства**»-2005. Организаторами премии выступают Русский биографический институт, Российская государственная библиотека и «Литературная газета». В номинации «Проза» премию получили Тимур Зульфикаров (роман «Коралловая эфа») и Юрий Поляков (роман «Грибной царь»). В номинации «Отечественная классика» лауреатом стал Владимир Бутромеев, составитель и автор комментариев к иллюстрированным изданиям «Евгения Онегина» А.С. Пушкина и «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, которые вышли в издательстве «Белый город».

Ещё одна престижная российская премия «**Национальный бестселлер**»: ее лауреатом был назван Михаил Шишкин, автор романа «Венерин волос». И этот выбор вызвал значительный резонанс. Несогласие критиков и рецензентов было сформулировано следующим образом: При всех его художественных достоинствах бестселлером роман все-таки назвать сложно – это не тот роман, который рассчитан на широкую читательскую аудиторию...

Сам автор романа, не мыслящий себя включенным в русский литературный процесс, так характеризует концепцию романа: «...Главным персонажем в моем новом тексте является любовь. И каким стилем она будет выражена, совершенно не важно... “Венерин волос” – о преодолении смерти любовью и словом, о воскрешении любовью и словом».

Новые тенденции в прозе 2005 года.

Российская проза в 2005 году, как и ранее, представлена значительным количеством авторов, как уже утвердившихся в текущем литературном процессе, так и молодых, ранее не претендовавших на включенность в этот процесс.

Самые обсуждаемые среди литературоведов, критиков и читателей литературные события 2005 года.

Денис Гуцко «Без пути-следа»

Роман «Без пути-следа» вызвал множество споров. Герой романа Митя провел детство в Тбилиси, учился в Ростовском университете, затем армия, возвращение домой, в город, который за пару лет стал не только чужим, но и агрессивно-чужим, возвращение теперь уже в Ростов-на-Дону. У них то ли тоже общее, то ли разное, автором герою сочиненное: снятые углы и комнаты в коммуналках в бараках, переехавшая из Тбилиси вслед за сыном мама, так и не привыкшая к тому, что в России родственников и друзей не принято звать просто так, а только со вздохом сожаления и совсем уже по особым поводам; женитьба на красавице сокурснице, рождение сына, перестроечная нищета, ссоры между невесткой и свекровью, измена и уход жены к иностранцу, разлука с сыном; агония никому не нужной научной работы, лежание на диване, работа охранником в банке, скука, апатия, тоска.

Роман может быть воспринят как история падения слабого человека, «лишнего человека» в том вполне хрестоматийном для русской классической литературы понятии. Однако, отмечает литературный критик Лев Данилкин, в отличие от своих многочисленных прототипов, Митя Дениса Гуцко вообще ничем особым не примечателен; в нем нет демонизма Печорина, нет обаяния Обломова, нет отточенности эгоизма Онегина – в нем просто ничего нет. Вялая оболочка рефлексирующего неудачника передвигается со страницы на страницу, оставляя читателя в недоумении: его не хочется ни жалеть, ни понимать, ни оправдывать. Жена ушла? От такого уйдешь – он же пустой совсем. Бывший однокашник кинул на чужие к тому же деньги? Сам дурак. Взрослеющий в далеком Осло сын забыл поздравить с днем рождения? А сколько лет он не видел своего отца, не нашедшего в себе сил заработать и поехать к нему хоть на пару дней? В такой ситуации и мрачная история с невозможностью получить паспорт в связи с рождением в другой (Грузия!) стране оборачивается чуть ли не спасением от необходимости действовать. Потерял единственную любящую его женщину? Сам же ее и обманывал. Жизнеподобия в этой истории хоть отбавляй, но интереса мало. Токово мнение упомянутого критика.

Одна из странностей романа – его подчеркнутая обезличенность. То есть в нем практически отсутствуют визуальные образы, в нем отсутствуют даже лица героев. Какой из себя Митя? Никакой – средненормальный, среднепривлекательный. Жена-красавица приобретает зримый облик, только разувшись (чувственные ступни) и перекарасившись (стала коротковолосой блондинкой). Про подругу всей его жизни известно только, что она мулатка и, соответственно, у нее непослушные курчавые волосы. Так и живут в этом романе его герои без лиц и тел, как тени, лишь изредка обретая плоть, как будто автор, забывшись, тратит на них чуток краски из своего скудного зрительного запаса.

Зато этот роман звучит. Звучит с первых же слов: «Бубны бубнили. Бубны бубнили грозные заклинания... Прогорклый воздух дрожал в такт...» Стекла в этом романе «взрываются», иней обязательно «хрустит», вилки-ложки, пробирки «звонят», раскладушки «скрипят», а подруга героя поет блюзы. Поет хорошо, так, что иногда начинают звучать страницы, на которых она поет.

Роман может быть прочитан и как панорама социальных типажей в постсоветской России.

Иногда рассеянный утренний взгляд выхватывал какого-нибудь одинокого, прохожего, сутулящегося под пронизывающим ветром. Тогда, провожая его глазами до тех пор, пока тот не смешивался с быстро удаляющимися серыми тенями, Митя пытался его досочинить. Глядя на убогую одежду, на картонное бессмысленное лицо за воротником, успевал представить, как работяга отлипал от подушки, нащупывая кнопку орущего будильника, как завтракал, глядя сквозь тарелку, и как придет сейчас в грязный цех и много раз будет пожимать руки и будет переодеваться в грязное и потом долго подступаться к началу работы. Прохожий скрывался из виду, и Митя возвращался к своим мыслям.

Но сознаться в своей ущербности, смириться с ролью человека-атавизма Митя не мог.

Душок тюрьмы можно было уловить повсюду. В автобусах и маршрутках сплошь звучали воровские народные, хотя наверняка совсем немногие из водителей когда-либо бывали по ту сторону тюремного забора. Подростки возле подъездов толковали, как опытные уркаганы, переигрывая раз-

ве что самую малость. Эта незримая тюрьма, будто грибница, пронизывала жизнь насквозь. Рано или поздно то тут, то там вылезали грибочки. Сначала Митя не замечал. После того, как Колёк Горелов перестал приезжать в банк с новеньким кольцом под свитером, после того, как медленно осела поднятая потопом муть и все стало чинно и основательно, Митя, бывало, оглядывался: куда оно делось? «Не все так безнадежно, — думал он. — Изживем, переболевем». В конце концов, и Колек стал же солидным предпринимателем, и Мавроди в малиновом пиджаке больше не поздравляет страну с Новым годом.

Виктор Пелевин «Шлем ужаса»

Роман о тотальной дезориентации, связанной с разочарованием в политике.

Восемь существ, сами не знающие, где они, но повстречавшиеся на одной «нити» Интернет-чата, из подсказок – собственных имен, снов, деталей интерьера и одежды – догадываются, что кто-то поместил их в виртуальный лабиринт, где разыгрывается миф о Минотавре. Коротая время в заточении, пестрая компания обсуждает версии происходящего, разбредается по своим персональным лабиринтам, ссорятся, кто-то даже влюбляется, и все ждут встречи с Минотавром и явления Тесея, небезосновательно подозревая, что оба – уже здесь, среди них. Каждый путешествующий по лабиринту, вынужден постоянно делать выбор – неудивительно, что чаще всего существа обсуждают проблему выбора и свободы воли. Роман «Шлем ужаса» можно расценить как чистый роман идей, логическую схему. Роман наполнен символикой из самых разных слоев культуры. Это и древнеирландские рунические символы, и классическая мифология, и постсоветская культурная ситуация, столь часто являющаяся объектом изображения в пелевинской прозе. По наблюдению одного из критиков, стоит только дотронуться до любого слова – и оно начнет разворачиваться, лучиться, поглощая пространство.

Алексей Слаповский «Они»

Точка зрения А. Немзера

«Они» – роман мегаполиса, роман Москвы, причем не её казового, сияющего роскошными витринами и давящего хамскими новоделами центра и не чудом сохранившихся спальных районов, где – меж громающих игровых автоматов, панельных домов, рынков, забегаловок с шаурмой, заправочных станций и свалок – обретается типовой житель столицы. «Они» (персонажи) вряд ли могут помыслить себя вне своего Вавилона, но добрых чувств к этому городу не испытывают; так, пристойная (в остальной России ещё хуже) среда обитания; жить можно, но по сторонам лучше не глядеть – сразу в какую-нибудь мерзость упруешься. В кого-нибудь из «них» – ленивых, корыстных, глупых, трусливых, зажавшихся, подлых... всегда готовых тебя обжулить и унижить. Недаром один из самых неприятных героев романа временно очеловечивается, когда судьба на несколько дней забрасывает его в вологодскую глушь, а лучшие из «них» (наверное, в самом деле лучшие, и уж точно – дорогие автору), изрядно нахлебавшись московского лиха, под занавес перебираются в ту же далекую деревеньку. Надолго ли?

«Они» – самая горькая книга Слаповского, но написана она той же рукой, а надиктована тем же чувством, что и «Участок». Чувство это называется любовью к грешному человеку и скорбному миру, который безжалостно разделен на «нас» и «них».

Точка зрения Л. Данилкина

Роман про цепную реакцию насилия, мотивированного и немотивированного, которое при передаче не убывает, а усиливается. По мнению А. Немзера, Л. Данилкина – чрезвычайно депрессивный роман. От природы замечательный рассказчик, Слаповский готовился к этой панораме войны всех против всех много лет. Коллекционировал типажи (его «Российские оригиналы» печатались с подзаголовком «Энциклопедия типов уходящей эпохи»). Чутко реагировал на абсурд – и одно время даже пытался с ним бороться («Анкета», «Я – не я»). Роман «Они» можно считать за скверный анекдот, в котором критикуются отдельные явления столичной жизни (коррупция, ксенофобия, безработица). Но из романа понятно, что дело не в единичных явлениях, «они» – популяция людей, инфицированных вирусом насилия.

Дмитрий Быков «Эвакуатор»

В первых же главах романа изображено, как Россию захлестывает волна террора. На месте Комсомольской – колоссальная воронка, милиционеры бесчинствуют, рабочие места закрываются, полки супермаркетов пустеют, на улицах караул, вводится чрезвычайное положение. Героев «Эвакуатора» зовут Игорь и Катя, представляющие собой так называемую офис-интеллигенцию – потому что работают художницей и верстальщиком в глянцевого журнала «Офис».

Олег Ермаков «Холст»

Роман «Холст» – немного вязкая (в первых главах), тормозящая чтение проза, но очень быстро выясняешь, что природа этой вязкости обусловлена тем сложным, многомерным образом времени и мыслей о личной ответственности за себя, о том, чем на самом деле жив живой человек, и когда и как стано-

вится он мертвым при жизни. Роман, начинавшийся как достаточно традиционное бытописательное, лирико-ностальгическое и социально-психологическое повествование, дочитываешь с тем холодком бытийной жути, с которым досматриваешь фильм Джармуша «Мертвец» (к сожалению, сопоставление не мое, родство пост-афганской прозы Ермакова с поэтикой Джармуша отметил несколько лет назад Д. Бавильский).

- роман **Андрея Левкина «Мозгва»** (признаюсь, что читал уже с личной завистью и внутренним чувством высвобождения: оказывается можно и так, и это замечательно);

- рассказы **Сергея Солоуха (цикл «Естественные науки»)**, каждый из которых - сам по себе, и при этом вместе они выстраивают почти романное пространство;

- новые рассказы **Евгения Шкловского, Марины Палей, Ильдара Абузярова, Александра Иличевского, Михаила Бутова**, маленькая повесть **Родиона Белецкого «Николай не понимает»**; из новых (для меня) имен – рассказы **Маргариты Хемлин, Владимира Пшеничникова и Юрия Горюхина**, автора неожиданного рассказа **«Переходный возраст»**, написанного как бы очень просто и «очевидно», (опубликован в малодоступных «Бельских просторах», но прочесть его можно и в интернете (http://magazines.russ.ru/novy_i_mi/avtory/perexod.html) – естественно, не напрягая специально голоса при описании вполне заурядной как бы житейской ситуации, беллетрист социально-психологическое письмо выводит в экзистенциальную проблематику свободы;

- поток нашей сегодняшней эссеистики, в котором я бы особо отметил тексты **Ольги Шамборант и Игоря Клеха**, а также вышедшие четыре книги («**Все эссе в 2-х томах»**, **«Постмодерн в русской литературе»**, **«Новое сектантство»**) **Михаила Эпштейна**, – эссе их составившие, писались и публиковались не одно десятилетие, но впервые собранные вместе, изданные «залпом» (то есть создав для своего прочтения наилучший контекст), собрание этих эссе претендуют на статус события (каковым, по моему убеждению, и являются);

- ну а из «легкого чтения» – повесть **«День сомнения» Сухбата Алфани** и роман **В. Коркиной (Н. Смирновой) «Умный, наглый, самоуверенный»**;

Год был бы пропащим, если бы не новые стихотворные подборки **Александра Кушнера, Веры Павловой, Сергея Гандлевского, Тимура Кибирова, Виктора Куллэ, Александра Тимофеевского, Инны Лиснянской, Ирины Васильковой, Льва Лосева (книга «Как я сказал»), Санджара Янышева (книга «Регулярный сад» и т.д.**

«И т. д.» я ставлю здесь потому, что говорю только о попавшем в поле моего зрения, а поле это было, естественно, зауженным по причинам сугубо профессиональным (у каждого обозревателя своя делянка). Уверен, что при более вольном чтении список мой был бы полнее. Иными словами, если год и не был отмечен блистанием на небе новых литературных звезд, то был он, как минимум, годом «бродильным». То есть несомненно живым литературно. Ну а что может быть для литературы лучше, чем процесс брожения.

И в заключение – уже по ходу чтения анкет «Ех Libris» – об уровне экспертного сообщества и его нынешнего соответствия своим функциям: Увы! Любопытно, конечно, про Аксенова в последнем букеровском сюжете, или про особенности любви Проханова к литературе, но какое мне, например, как читателю до всего этого дело. Мне бы выяснить у знающих людей, что стоит читать. Собственно, для этого и существует критика.

Итак, наблюдая за активностью критиков и литературоведов в осмыслении современного литературного процесса, можно сделать вывод о том, что текущая литература активно исследуется. Ведутся поиски новых тенденций, обозреваются проблемы современной литературы. Ознакомившись с перечисленными критическими работами, можно схематически выделить некоторые особенности.

По итогам года была издана книга **«Дневник читателя. Русская литература в 2005 году»**, ставшая уже третьим таким изданием под руководством **Андрея Немзера**; а также книга московского критика, обозревателя журнала «Афиша» **Льва Данилкина**, посвященная, по словам автора, «маневрам на поле русской литературы 2005 года».

Говоря о стремлении осмыслить текущую литературу, нельзя не упомянуть о появлении множества критических статей. Работа **Романа Сенчина «Свечение на болоте»**, опубликованная в журнале «Знамя» № 5, открывается главкой «Рождение критики», где названо сразу двадцать имен. Наряду с Сенчиным высказываются **Василина Орлова** (её статья «Как айсберг в океане. Взгляд на современную молодую литературу» опубликована в четвертом номере журнала «Новый мир»). Ещё один критик – **Валерия Пустовая «Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель. О молодой «военной» прозе»**: опубликована в пятом номере журнала «Октябрь». **Наталья Рубанова** опубликовала свою работу под названием «Патология короткого рассказа» в четвертом номере журнала «Знамя».

- Так называемое укрупнение жанра. Если несколько лет назад правомерно было говорить о кризисе романа и крупной прозаической формы, то в минувшем году отмечается стремление к панорамному изображению современности. Роман как жанр активно используется современными писателями.

- Внимание к реалистическому канону:

Валерия Пустовая «Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм». Опубликовано в журнале «Октябрь», № 5.

- Новый реализм (имена и демонстрационный анализ – позже, пока пляшу в жанре манифеста) – новый реализм занят исключительным, а не общепринятым, не статистикой, а взломом базы данных о современном человеке. Новый реализм видит в человеке «правду» боли, слабости, греха, но отображает его в масштабах Истины, в рамках которой человек не только тварь, но и творец, не только раб, но и сам себе освободитель. В произведениях нового реализма сюжетобразующим фактором часто становится энергия личности героя.

- Неповторимость личности автора, а не особенность прожитой им реальности.

- Человек – это то, что должно быть преодолено (во имя сверхчеловека), – писал Ницше. Реальность – это то, что должно быть преображено (во имя искусства), – гласит предполагаемый принцип нового реализма.

- Новый реализм – это поиск индивидуальных писательских смыслов в предметах и шумах реального мира, это интуитивная догадка о том, что через будто бы случайные встречи, вещи и судьбы с нами говорит Вечность. Мастерство нового реалиста – в умении не столько отражать, сколько трактовать действительность: он должен уметь, как древний прорицатель, узнавать надмирные истины, копаясь во внутренностях птицы-жизни.

- Новому реализму принадлежит всякое реалистическое произведение, в основе которого ощущимо присутствует тайна. Новый реализм – это когда критику есть работа по разгадыванию внутреннего, не декларируемого прямолинейно смысла произведения.

- Новый реалист, описывая самых далеких от него, в социальном или идейном отношении, персонажей, умеет пересказать их мирок своими словами.

- Новый реализм выявляет в вещи и человеке их «философию», сердцевинную идею, выражает типичное в эксклюзивном, еще небывалом ракурсе.

В первом же номере «Дружбы народов» за 2005 год появились новые произведения уже известных молодых писателей: и Сенчина, и Новикова, и Ильи Кочергина, которые иллюстрируют теоретические положения работы. На их примере автор статьи демонстрирует становление нового реализма.

Разноречивые точки зрения

Мнение А. Немзера, обозревавшего текущую прозу, опубликованную в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» в марте 2005 года: «...Опубликовано четырнадцать рассказов и повестей девяти авторов. Представлены все стандартные темы: от солдатской недоли до недоли эмигрантской. Представлены все стандартные типы письма: от сурового правдоподобия до туманной притчевости. Все четырнадцать опусов исчерпывающе характеризуются волшебной формулой – можно печатать. Что с легкостью необыкновенной оборачивается собственным негативом – можно не печатать».

Данилкин: Трудно не обратить внимание на бум разного рода эвакуаций в литературе 2005. Все здесь эмигрируют, путешествуют и бегут. Вся русская литература либо кочует, как цыганский табор, либо сидит на чемоданах. Критик иллюстрирует свои наблюдения примерами из романов Доренко «2008», Арсена Ревазова «Одиночество 12», книги Оксаны Робски, роман обезличенного автора «Мертвые могут танцевать».

В 12 номере газеты «Книжное обозрение» литературный процесс 2005 года оценивается как разноплановый, ведутся разговоры о стремлении к разнообразию жанров. Однако...

Таким образом, как и ранее, налицо разнородный активный литературный процесс порождают множество споров о тенденциях и их отсутствии, то есть отсутствии новых значимых шагов в текущей литературе. Возможно, о таких вещах лучше судить с определенной временной дистанции.

Е. Хромых

Литература в интернете и интернет-литература

В данной статье я хотел бы предложить читателю обратить внимание на относительно новое явление – литературу в Интернете. На мой взгляд, это одно из наиболее динамично меняющихся направлений культурной жизни страны: количество пользователей, пишущих художественные произведения, измеряется десятками, возможно, даже сотнями тысяч. Активно развиваются порталы, посвященные творчеству посетителей сети (см. далее). В большом количестве появляются блоги (интернет-дневники) и личные сайты писателей. Такая динамика обусловлена особенностями Интернета как коммуникационной и информационной среды: одновременно общаться и обмениваться информацией могут несколько десятков миллионов граждан нашей страны.

Нас в первую очередь интересует художественная литература. Но художественная литература только частично: классическая литература, беллетристика, массовая литература и фантастика, которые перекочевали в интернет со страниц печатных изданий, – очень интересны и пользуются популярностью, но они не являются в полном смысле слова интернет-литературой, т.к. появились не в сети. Мы же под интернет-литературой будем понимать художественную литературу, родившуюся и функционирующую в сети.

Итак, рассмотрим, какова сама интернет-литература.

Сайты, посвященные интернет-литературе

В российском сегменте Интернета довольно большое количество сайтов, посвященных творчеству пользователей сети.

Проза.ру (www.proza.ru) – портал, посвященный прозе и драматургии, на котором авторы публикуют свои произведения и могут обмениваться комментариями. На этом портале проводятся конкурсы (в основном камерные, их победители поощряются на сайте, но не более). Статистика подводится только по месяцам, поэтому говорить о каких-либо тенденциях и итогах крайне сложно.

По рейтингам произведений портала можно сделать вывод, что малые прозаические формы пользуются большей популярностью, их больше читают и пишут. Это может быть объяснено особенностью самого интернета как коммуникационной системы: весь текст читается с экрана, его нельзя заложить закладкой или пометить карандашом на полях... Читать с экрана большие произведения просто неудобно, распечатывать – дорого, зато малые можно прочитать на работе во время перерыва и даже распечатать при необходимости. Кроме того, само чтение в интернете ориентировано главным образом на 2 цели: получение информации (работа, новости и пр.) и отдых, и интернет-литература ориентирована, в первую очередь, на отдых пользователей, но говорить о том, что она имеет только развлекательную функцию, было бы неверно.

Стихи.ру (www.stihi.ru) – портал, как и Проза.ру, принадлежит Российской Национальной Литературной Сети. На этом сайте авторы публикуют свои лирические произведения. Нужно отметить, что жизнь здесь протекает активнее, т.к. поэтов у нас в стране, как известно, очень много. Периодически проводятся мероприятия, направленные на активизацию аудитории, портал выступает информационным партнером в проведении различных конкурсов.

Стихотворения структурированы по тематическому принципу. Система рейтингов такая же, как и на «Проза.ру». Можно легко найти самое читаемое стихотворение одного автора, но провести сравнительный анализ сложно, т.к. это не предусмотрено программистами сайта.

Lib.ru: Журнал "Самиздат" (<http://zhurnal.lib.ru>) – сервер современной литературы "Самиздат" при библиотеке Мошкова предназначен для создания авторских литературных разделов. На этом сайте сложная система рейтингов, а на первой же странице можно узнать, каких наград удостоены сам портал и его писатели. Довольно большое количество публикаций самиздата позже обретает печатную форму.

Литсовет (www.litsovet.ru) – большой портал, посвященный интернет-литературе, создатели сайта позиционируют его как издательскую систему. Многие произведения авторов литсовета печатаются позже в журналах, сборниках и отдельных книгах.

Блоги

Ещё раз остановимся на блогах. Эта форма существования литературы появилась относительно недавно, но сразу стала использоваться авторами очень разного уровня, например, Сергей Лукьяненко отрывки "Черновика" сначала выкладывал в онлайн-дневнике. В. Крапивин первую часть своего романа «Давно закончилась осада» разместил на своём дневниковом (по форме) сайте. И многие другие. В этом же контексте стоит упомянуть Алекса Экслера, который в своем блоге творит в очень разных жанрах: от шуточных рассказов до инструкций к технике.

Расскажу о блогговом движении "падонкафф", особое распространение оно получило в прошедшем 2005 году. "Падонкафф" вне сети мало кто знает, зато в интернете они повсюду: у них свой жаргон (см. статью в энциклопедии «Википедия» <http://ru.wikipedia.org>), свои ценности (см. манифест падонкафф

<http://www.dix.ru/4958>), свои нормы морали и понятие о прекрасном, своя конституция и свой символ (“медвед”, нарочито без мягкого знака).

Своеобразным манифестом движения можно считать публикацию в сетевом журнале «Интернет.ру» статьи одного из идеологов движения падонкафф Степана Ерёмкина¹.

С. Еремкин сразу оговаривается, что «*Мертвые и просто отслужившие свой срок авторитеты рассматриваться не будут*». Но стоит отметить, что авторы идеи очень неплохо знакомы и с литературой и философией, и это знание часто становится заметным, может быть, вопреки воле пишущего, в качестве иллюстрации приведу эпиграф к статье: «*Старух, которые носят в себе благоразумные мысли, хорошо бы ловить арканом. Даниил Хармс...*»

Основные положения течения (цитаты из манифеста):

Итак, прежде всего – вы не нужны падонкам. Для них вы – забавный зверёк, который движется по жизни, руководствуясь схемой его родителей, выдуманной не ими.

Вы толкаетесь в метро с произведением литературного искусства Пауло Коэльо, культура для вас – что-то среднее между отказом от алкоголя в рабочее время, Русским Музеем в Санкт-Петербурге и важной необходимостью уступать место в общественном транспорте.

Оценивать «новояз» как явление эволюции языка – это как радоваться гнойным плевкам похмельных посетителей на «Девятом вале» Айвазовского и смаковать их в художественных публикациях. Никакого феномена нет, вас снова обманули. Коверкать язык – это удивлять забавных зверьков, преподнося информацию старым способом, но без лишних правил.

Когда критики движения говорят, что в истории мировой культуры подобные манифесты уже появлялись, падонки парируют, что «*Сухая ретроспектива – удел хрипящих неудачников*», тем самым отмечая всё намёки на свою вторичность.

Появились статьи в сетевых энциклопедиях, посвященные феномену падонкафф и особенностям их стиля. В качестве примера приведу отрывок статьи из энциклопедии Википедия: «**Падонки** (искаженное от **падонки**) – русскоязычная сетевая субкультура. Оформилась приблизительно в 2000 году, по другой версии — в 1997. Позиционируется как контркультурная, протестная. Является разновидностью отечественного трэша. В основе творческого метода — провокация, эпатаж. Характерно использование обценной лексики, преднамеренных орфографических и семантических ошибок (см. жаргон падонков) – т.н. «албанский» язык. (Некоторые разделяют язык падонков и «албанский», считая последний вторичным.)»

Говоря о «падонках», упомяну их широкие связи в среде творческой интеллигенции. Например, в процессе подготовки материала о конкурсах в сети была обнаружена следующая информация: в блоге и на сайте «Падонки.орг» (www.padonki.org) проводился конкурс «Превед из Интернета», который проходил в рамках первого на Урале фестиваля контркультурного творчества «КвартирниКК – всегда в тему!». В качестве членов жюри выступали: Казарин Юрий, председатель Екатеринбургского отделения Союза писателей России, Степан Еремкин, Редакция литературного ресурса «Падонки.орг», Олин Денис, организатор фестиваля Арт-группа «Креотифф».

Подводя итог, следует отметить, что интернет-литература – это очень разнообразное, сложное, интересное, бурно развивающееся явление. Количество писателей, публикующих свои художественные тексты в интернете, постоянно растет. Надеюсь, в скором времени это явление будет предметом профессионального научного внимания и анализа.

А. Колмаков

¹ Взят именно этот манифест, т.к. он наиболее соответствует нормам традиционной культуры, что позволяет цитаты из него использовать в журнале.